

Кризис

Автор:

[Руслан Паушу](#)

Кризис

Руслан Паушу

О том, как все прошло.

Руслан Паушу

Кризис

Всегда существуют такие моменты, которые очень хочешь отодвинуть на потом. Ежедневно, раз за разом просыпаешься и понимаешь, что сегодня лучше не совершать этого поступка. Да, конечно, это очень серьёзный и взрослый поступок, он многое говорит о человеке, который его совершил. Говорит о том, что это повзрослевший, мудрый, состоявшийся, или, как ещё говорят, свершившийся мужчина. Но всё это так незначительно и мелко по сравнению с тем, что придётся пережить, после того, как его совершишь.

Лично в моём случае таким поступком является признание. Самое мерзкое в этом поступке это не последствия, которые утащат тебя в небытие, и там будут хлестать по голой заднице колючими и раскалёнными прутьями, а то, что ты сам себе представляешь. А представляешь себе, как это обычно бывает, самое страшное. Для себя, естественно. Но с реальностью это не имеет ничего общего. В реальности после признания следует реакция того человека, которому признаёшься, а уже потом, в зависимости от реакции этого человека, следуют последствия, в принципе достаточно легко оцениваемые в зависимости от тяжести свершённого поступка, в котором признаёшься.

Но всё равно признание достаточно тяжёлая вещь, особенно если ты наделён некоторыми комплексами. Такими, как комплекс неполноценности и вины. В своей голове это признание означает, что произойдёт крушение мира, что после этого события уже ничего не будет существовать. Всё кончится, всё разрушится, всё сломается. А ты будешь во всём виноват, потому что признался. И даже если здравый смысл скажет тебе, что всё это чушь собачья и бред, и надо всё рассказать во избежание последствий, всё равно внутренне ты будешь не готов.

Как было бы прекрасно, если бы не надо было ни в чём признаваться и совершать глупости килограммами. Даже и не совершать, потому что глупости, которые с нами происходят, не всегда совершаются по нашей вине. Иногда они происходят по воле рока. Самая большая приколистка в известном мне мире – Судьба с величайшим изяществом совершает с нами глупости. Иногда галантные, иногда жестокие и грубые, но факт остаётся фактом, мы не можем влиять на некоторые вещи, которые с нами должны произойти или происходят в данный момент.

Стоп. Я знаю эту хитрость своего сознания. Я знаю, как начинает действовать эта штука во мне, чтобы отвлечься от неприятного предстоящего события. Она начинает развивать мысль, задействовав воображение, в менее трагичном направлении, раскрашивая окружающую действительность в голове именно теми красками, которые мне наиболее нравятся. Она красиво расставляет выдуманные и не имеющие никакого отношения к действительности задачи и заставляет их решать. Как тут устоять? Никак. Идёшь на поводу у собственного бессилия и снова тянешь волынку бездействия, оставляя всё на последний момент.

А в последний момент, когда уже тянуть некуда и, собственно, нечего, упираешься в стену и хочется исчезнуть.

А всего-то и нужно сделать, что признаться любимому человеку в том, что с тобой произошло. Но разве можно? Это во мне меня больше всего раздражает? Это твой любимый человек, конечно, она расстроится, но сможет дальше жить. Она не умрёт от этого знания. Новостями обычно убивают старых немощных стариков, у которых от известия об оторванной бешеным почтальоном башки их кошки случается приступ. Молодые, полные сил и энергии девушки максимум, что делают от известия, это манерное падение в обморок. Ну, или пощёчина и собранные чемоданы. Или просто молчание.

Но ты же не виноват в том, что с тобой произошло! Расскажи! Она поймёт. Поймёт и, как мне кажется, проклянёт.

Я взглянул на часы и понял, что все эти бесполезные рассуждения лишь тянут время. Аккуратно сняв с себя её руку, мне пришлось таки встать. Как и всегда, прежде чем принять большое решение, я перед ним создал много маленьких препятствий. Подсознательно это как бы отдаляло меня от большой проблемы, но и оправдывало наличием более мелких, которые надо решить прямо сейчас, пока не добрался до самой большой. Сначала умыться или чай? Чай зелёный или травяной? С конфетами или шоколадкой? Есть кашу или бульон? С хлебом или без?

Она проснулась как раз во время того, когда я ставил чайник и отвечал на все эти вопросы. Почему они всё знают? Или как они обо всём догадываются? Наверное, когда человек к чему-то готовится, к чему-то серьёзному, что требует значительных усилий, у него и вид соответствующий. Я боковым зрением видел, что она почти минуту наблюдала, как пытался раскрыть этот чёртов пакетик. Я сто раз проигрывал этот момент, там было всё, от романтического ужина, в котором я делаю признание, до авиакатастрофы, где я уношу свою тайну с нами в могилу. На деле же это происходит вот так, обычно, банально даже. Она заметила, что со мной что-то не так, долго наблюдала, чтобы понять степень произошедшего несчастья, а потом, не сделав для себя никаких выводов, спросила:

– Зай, что-то случилось?

Разве я мог её успокоить? Разве я мог и дальше хранить эту тайну? Разве я мог не доставлять ей страданий, а просто взять и скрыть от неё эту информацию? Конечно, не мог. Это было бы нечестно по отношению к ней. Я просто признался:

– Солнце. Меня уволили.

Гром не прогремел и небеса не разверзлись. Она просто выслушала и всё. Посмотрела на меня своими умными глазами, потом спрятала лицо и, встав с кровати, пошла умываться. На первый взгляд всё кажется нормальным. Ну, уволили, с кем не бывает? Может она всё поймёт? Она же в меня верит. Да будет сложно, да, от многого придётся отказаться и о многом на первое время забыть, но разве это главное? А как же то, что мы вместе? Одна команда? Я и она,

любящие друг друга и стремящиеся к светлому будущему через тернии, темноту, бури, шторма и невзгоды.

Это всё прекрасно в голове у того, которого уволили и который должен как-то оправдываться в том, что не смог вынести своих обязательств. Достаточно кощунственно так рассуждать о ней, но на самом деле так и есть. Почему она должна спокойно переносить несчастья? Почему она должна радоваться тому, что происходит что-то нехорошее?

Нет, по идее мы друг другу поддержка и опора, мы любим друг друга и в идеале должны помогать и поддерживать друг друга. Друг друга! Я понимаю, почему я сейчас чувствую такую вину на себе. Потому что я не смог вынести обязательств, которые сам на себя возложил. И это нормально. Идеализировать себя в воображаемых собой же её глазах. Это вообще прекрасная иллюзия, видеть за неё её глазами и себя и всё что нас окружает.

Но это не её видение и не её отношение. Если я её глазами вижу сейчас в себе неудачника, человека, который просрал всё на свете и не смог справиться с жизненными проблемами, то это не значит, что именно таким она меня и видит. Это я себя таким вижу, в силу своего мировосприятия, воспитания, приобретённых комплексов. Это я думаю, что я её не заслуживаю и надо как можно быстрее оставить меня. Это я считаю, что лучшим решением будет бросить меня безработного, неспособного обеспечить нашу семью. Но не она.

Не знаю почему, но мне хочется, чтобы и она так считала. Я знаю почему. Потому что оправдывает меня. Потому что это в моих же глазах меня оправдывает перед самим собой. Примерный разговор с совестью получится такой: совесть спросит меня, почему я не испытываю чувство стыда и не провалился на месте за то, что позволил довести ситуацию до увольнения, я же отвечу совести про то, что смысла не было стараться, потому что она меня всё равно бросит. Довольно изысканное решение для самооправдания. Но на самом деле всё не так.

На самом деле ей просто страшно, обидно и грустно. И она тоже ищет ответы. А вопросы она тут может задать только мне.

Она же просто села за свой ноутбук, что-то нелепое открыла из программ и заплакала.

И ничего в таких случаях особо не сделаешь. Только утешать и успокаивать. Обнимать, целовать, гладить по руке и крепко прижимать к себе. Больше ничего не сделаешь, ничего. Со стороны это всегда смотрится трогательно – один человек плачет, а второй его держит двумя руками, что-то говорит ему быстро и постоянно целует в лицо.

– Солнышко, ну чего ты плачешь? Не плачь. Всё будет хорошо.

Я аккуратно положил её голову себе в ладоши и стал целовать в слёзы. Соль досады. Я не понимал, что она сейчас чувствует, только осознавал. Было одно, а теперь будет другое, плохое.

– Ну, солнышко, ну скажи чего-нибудь. Не плачь только.

Она перестала всхлипывать и посмотрела на меня, затем освободила лицо от моих ладоней и стала какой-то нарочито серьёзной. Заплаканной, с распухшими, мокрыми глазами, но серьёзной. Не смотрит на меня, смотрит в экран, как будто там что-то есть интереснее и важнее того, что сейчас происходит между нами и в нашей жизни. Мне не нравится эта её привычка разговаривать со мной, смотря в экран, но именно она не заставляет смотреть в глаза. И мне и ей. Вот так вот мы и разговариваем о серьёзных вещах, она смотрит в экран, а я на её щёку.

По-детски протерев кулачками глаза от слёз, она спросила:

– Что теперь будет?

Я стал просто рассуждать вслух. Запинаясь, косноязычно. Мне хотелось, чтобы она поняла меня, мой ход мыслей. Я давно готовил этот монолог.

– Солнце, всё будет хорошо. Вот послушай. Ну, уволили, это нормально, сейчас всех увольняют. Кризис же. Никто не знал, что так круто завернёт всё. За месяц же буквально скрутило всех. Работ же много, если по специальности не устраюсь, то можно чернорабочим. Я думаю, что вся эта суета ненадолго. Ну месяца три-четыре.

– Ну, зай. Ну, что ты меня успокаиваешь? Я же экономист по образованию, как и ты. Я прекрасно вижу, что происходит. Какие три месяца? Год минимум. До пика. И всё хуже и хуже будет.

– Да нормально всё будет, давай не будем спорить об экономической теории, а? Да, всё не очень хорошо. Да, придётся туговато. Да, небезопасно. Я предлагаю пока съехать на квартиру более дешёвую и работу искать. А вообще, лучше комнату снять. Я в ней поживу, пока всё не уляжется, а ты поедешь в Питер пока, к маме.

– Никуда я не поеду.

– Зай, ну серьёзно, так лучше будет. Ты посмотри, что вокруг творится. Уже полгода падения всего, что можно. И перспектив никаких. Людям жить не на что. Будет ещё только хуже и хуже. Я, правда, очень сильно беспокоюсь, на улицах уже не безопасно. Новости в сплошную ленту ограблений превратились. Групповые нападения участились. Менты уже в открытую советуют самим думать о защите.

– Я не поеду.

– Поедешь!

– Нет!

– Ты же умная девочка. Пойми, если начнётся беспорядки, они очнутся с Москвы. А тогда всё, можно считать, что из города живым не выбраться. Тем более женщине. Да и сейчас уже опасно. Надо уезжать сейчас уже.

– Ты нагнетаешь обстановку.

– Давай так, если я не найду работу в течении двух-трёх недель, ты поедешь. Если найду – нет. Так будет лучше.

– Я никуда не поеду одна.

– Можешь обижаться, можешь не обижаться, но ты сделаешь, как я сказал.

Плакать она перестала. Я переживать за своё увольнение тоже. Сейчас на нас двоих повисло осознание того, о чём так страшно было думать. О том, что же будет дальше. У нас хватало ума понимать, что творится в мире в целом. И в нашей стране в частности. Посредством самых различных источников информации можно было смотреть о том, как умирает мировая экономика и как падающий её труп, зацепившись за одеяло, тащит с кровати всё подряд.

И, в принципе, перспективы массовых беспорядков при тех объёмах безработицы были весьма реальны. Современный человек весьма реально себе представляет последствия всего этого. Беспорядки, мародёрство, банды, массовые убийства, война. Опаснее всего в это время оказаться в городе.

Каждый хочет верить, что власть не допустит этого. Но каждый раз что-то случается, и всё происходит мгновенно, и ты уже не замечаешь, как втянут в это массовое безумие.

Конечно, ни я ни она не верим в этот плохой сценарий. Но человек всегда видит самое худшее. Или самое лучшее. Я реалист и вижу, что ей будет безопаснее не в Москве.

Я задумался, наконец-то понимая, что я боялся сказать не о том, что меня уволили, а том, что нам придётся расстаться на неопределённое время. Вся эта тяжесть нагнетаемого происходящим кризисом постепенно ложится на нас. Именно понимание этого тормозило меня. До конца не хотелось осознавать, что это действительно происходит. Сейчас же всё это перелилось через край и опрокинуло этот жбан с тяжестью мыслей о происходящем.

Мысль о том, что твоему любимому человеку может угрожать какая-либо опасность, всё время угнетает. Не в смысле того, что она преследует тебя постоянно, а в смысле того, что она преследует тебя, как пульсирующая боль. Когда перед человеком возникает какое-либо препятствие, то он, если в силу каких-то причин это препятствие надо обязательно преодолеть, начинает искать пути обхода или прохода через это препятствие. Когда это препятствие видится непреодолимым, то человек либо опускает руки и сдаётся, либо отходит от препятствия на некоторое расстояние, чтобы оно не представляло опасности. Не очень хороший пример, но всё же. Хотел сказать, что надо не только преодолевать преграды, но и делать так, чтобы эти преграды не возникали.

Мне не очень хотелось дождаться того момента, когда станет опасно ходить по улицам Москвы. Тем более мне совершенно не хотелось, чтобы по этим улицам ходила моя возлюбленная. Решением этой проблемы мне виделось простое предупредительное мероприятие – уехать ей из города в более безопасное место, чтобы спокойно переждать. Возможно, в данный момент всё это смотрится слишком предусмотрительно, даже излишне, но всё лучше пережить спокойно переживания по поводу расставания и тоску друг по другу, нежели что-то более ужасное.

Конечно, мои рассуждения эгоистичны по отношению к ней. Это очевидно. Я пытаюсь снять с себя бремя беспокойства за любимого человека, на время от этого человека избавившись. Выход из ситуации самый простой, но по отношению к этому самому любимому человеку нечестный. Не учитываются её желания и чувства. По сути дела перед лицом опасности мы с ней равны. У меня разве что меньше шансов выжить если начнутся массовые беспорядки. Если она уедет, то это лишит меня беспокойств, но не её. Более того, если она уедет, то это фактически укажет на то, что она труслива и бросила меня здесь на произвол судьбы. Естественно, это не так, но ей это будет видеться именно в таком свете.

На весах чувства и безопасность. Жизнь и здоровье любимого человека я ценю больше, чем её чувства, как бы это прискорбно не звучало для меня и для неё. Она уедет, я это знаю.

– Зай, ты ещё не одет?

Тронув меня за плечо, она отвлекла меня от этих унылых рассуждений. Мы хотели сходить в магазин. Заканчивались продукты. Ещё одна проблема. За последнее время еда подорожала почти вдвое.

Сначала мы перестали обедать в заведениях общепита и кабаках. Это было довольно сложно – перестроиться и начать питаться дома. Настолько привыкаешь не готовить себе в ритме жизни мегаполиса. Питаться в кафе становится обычной привычкой и статьёй затрат. В свете последних событий с этой привычкой постепенно приходилось расставаться. Довольно странно было снова привыкать к тому, что можно готовить дома. Что готовить и питаться дома это очень дёшево. Что это вкуснее и приятнее. И уютнее.

Но мы привыкли. Человек ко всему привыкает и достаточно быстро. Более того, самым странным было то, что питание дома нами самими же рассматривалось как нечто странное, намекающее на какое-то мещанство или недостаток. Или на низкий уровень жизни. Это один из странных феноменов мегаполиса, который искажает восприятие человека, который превращает положительное свойство в отрицательное. Кушать дома почему-то стало не очень хорошо. По крайней мере, нам так казалось. На самом же деле это хорошо.

Я одевался, мучимый всеми этими мыслями и рассуждал о том, как кроить семейный бюджет. С этого момента экономить надо было жёстко. Основными статьями расходов становились жильё и еда. По моим прикидкам без работы мы может протянуть месяца три. Это если всё будет стабильно и без эксцессов. И если я найду работу. И сокращу расходы на жильё, переехав жить в более дешёвое место.

Завязав шарф, я направился было к выходу, но остановился и подумал, что что-то забыл. На автомате вернулся на кухню, взял пустой пакет и уже потом мы вышли из квартиры на площадку. Именно этот пакет вернул воспоминания о совке. Вспомнилось какая-то странная картина из далёкого-далёкого прошлого, на которой старая женщина в простеньком пальто и в пуховом тёмно-сером платке доставала из кармана мятый пакет в магазине.

Мне даже удалось улыбнуться от мысли, что я слишком нагнетаю ситуацию. Что-то, а вызывать жалость к себе у самого себя я умел. Я взял её за руку, улыбнулся и мы стали спускаться к выходу из подъезда. Иногда у нас в семье позволялось игриво спрашивать друг друга:

– Солнышко, купишь мне чего-нибудь сладкого.

Она всегда улыбалась мне на это и мягко, почти нежно отвечала:

– Жопа слипнется, зай.

В магазине нас ограбили. Всё произошло быстро, я бы даже сказал качественно. Бросился в глаза тот автоматизм, с которым грабители лишали всех денег. Мы стояли в очереди в кассе. Перед нами бабулька, за – мужчина с опухшим лицом. Возможно, можно было бы и больше ограбить людей в этом магазине, но площади не позволяли. Да ещё эта бабулька.

В такие моменты сам для себя становишься центром сосредоточения всего происходящего в этом мире зла. Сначала начинается этот грёбанный кризис, потом тебя увольняют, потом начинаются проблемы дома, а потом ты идёшь в магазин и ждёшь, пока эта бабулька выберет себе то, что она сама не знает. А в тебе уже струна натянута. Ты стоишь и сдерживает тебя от взрыва только твоё воспитание. А тут ещё в магазин втискиваются двое и угрожают пистолетом.

Я сначала не сообразил, что происходит. Слишком был занят своими переживаниями. Только когда один из них заорал, я вышел из ступора. Все всё сразу поняли. Кассир выгребла из кассы мелочь, я вывернул бумажник, а опухший мужик разжал кулак с денежкой на пиво. Бабулька попыталась убрать свои деньги в карман, но у неё деньги грубо отобрали. Бабулька заплакала. Странно, но мне почему-то стало жалко бабульку, захотелось её успокоить, помочь, отобрать у плохого мальчика деньги и вернуть ей.

Я повернулся назад.

– Зай, не бойся, всё хорошо.

Тот, который собирал деньги водил пистолетом у её лица. Я прекрасно понимал, насколько он сейчас возбуждён. Он направил пистолет ей в глаз и потребовал:

– Ты. Ты давай.

Я знал, что у неё денег нет. Усилием воли я подавил в себе желание ответить за неё. Из меня прямо вылезала эта фраза «у неё денег нет», но она всё сделала правильно:

– У меня денег нет, вы уже забрали наши деньги у моего мужа.

Грабитель направил пистолет в глаз мне. Вопросительно так направил, с поднятой бровью. Я ответил честно. Вернее я честно кивнул. Меня утвердительно похлопали стволом по щеке и назвали «умничкой». Бабулька заплакала.

Эта бабулька умела раздражать. Почему она заплакала прямо сейчас? Это уже второй плачущий на моих глазах человек за сегодня. Я стал сравнивать как

плачет моя возлюбленная и эта старушка. Было что-то общее во всхлипывании, но сам по себе плачь у старушки был фальшивым. Эта фальшь легко читалась по причитаниям. Когда человек плачет и причитает, сразу видно, что он играет на публику. Захотелось сесть рядом с бабушкой на корточки и начать её дразнить, нарочито громко ревя и натирая глаза кулаками. Реветь намного громче, чем бабулька. И причитать.

Хлопнувшая дверь вывела меня из ступора.

И всё. Сразу, мгновенно сменилось восприятие. Прошёл шок, и вернулась способность объективно и с инстинктами воспринимать мир. Снежным комом свалилось всё, что произошло в голову. Сотни вопросов и сотни ужасов. Почему я так себя вёл? А что было бы если? А вдруг? Бедная зая! Она в порядке? Ужас, она, наверное, страшно напугана. Что с ней?

Я повернулся к ней. Бледная, но спокойная. Внимательно смотрит на моё лицо. Спрашивает:

- Ты в порядке?

- Да. Да. Я нормально, солнышко, а ты? Как ты? Как ты себя чувствуешь?

- Всё хорошо. У меня было немного денег, но я бы ни за что не отдала.

Она подошла к кассирше и стала заказывать продукты. Заодно купила бутылку пива опухшему мужику, у которого забрали последний полтинник. Я же молча наблюдал, прокручивая в голове всё то, что произошло. Прокручивал и анализировал степень опасности, которой мы подверглись и то, как всё закончилось.

И ещё я ничего не мог сказать. Просто молчал и делал всё на автомате. Молча убрал покупки в пакет, молча вышел из магазина, молча помог ей спуститься по ступенькам. Молча силился что-то сказать по дороге домой. Молча расстраивался перед подъездом, молча ругал себя за трусость, нерешительность. Молча ненавидел мир.

Прорвало меня дома. Но не только меня. Она, скинув пальто, легла на кровать и натурально, в голос зарыдала. Я пошёл в ванную и засунул голову под холодную воду.

Ничего глупее в мою мокрую и холодную от воды голову прийти не смогло, как вылить это всё на неё. Я резко вышел из ванны, прошёл в комнату и, остановившись рядом с кроватью, стал пристально смотреть на неё. Она лежала, всё ещё содрогаясь от рыданий. Возникшее было чувство жалости я отогнал. Своё нелогичное, чёрствое, даже грубое поведение я объяснял себе тем, что надо быть жёстким. Если решился всё сказать, продавить своё решение, то надо действовать сейчас. Даже жертвой отношений, любви, гордости или какой там ещё чушью прикрываются люди, когда не могут принять решения.

В корне выдавить из себя это. Надо сейчас в этот момент, именно тогда, когда для этого есть все предпосылки – стресс и незащитность. Мне нужно прогнать её от себя в более безопасное место. Даже ценой ссоры, даже ценой её отношения ко мне, а может быть и любви. Возможно, конечно, я всё излишне драматизирую, да, но эта драматизация поможет обезопасить моего любимого отношения.

Когда стоишь перед принятием такого решения, самое главное не уйти в дискуссию с самим собой о большей ценности для любимого человека. Нельзя ни в коем случае задавать себе вопрос о том, что для неё будет лучше, безопасность или возможность быть со мной. Моральные страдания не идут ни в какое сравнение с физической целостностью любимого человека. Гнать от себя эту философию ссаными тряпками.

Но эта зараза вездесуща. Она обволакивает тебя, спрашивая тебя о том, почему ты родился и вырос таким эгоистом. Твердя о том, что отправив её, ты обречёшь её на страдания. Её, себя. Зачем нужна безопасность, если люди не будут счастливы друг без друга.

Орёшь про себя и отмахиваешься от этих мыслей. Она поедет и всё. Точка. Никакого морализаторства. Только одно решение. Моё.

Я присел на край кровати и взял её за плечо.

– Зай, давай поговорим.

Она, не поворачиваясь, ответила:

– Я никуда не поеду.

– Поедешь. Я больше с тобой на эту тему спорить не буду. Я решил и решение это одно. Оно не будет нами обсуждаться. Оно касается твоей безопасности и ты это прекрасно понимаешь.

Я сильно дёрнул её за плечо и перевернул. Она сморщилась от боли, оттолкнула мою руку и, смотря мне прямо в глаза, заговорила:

– Ну что за самообман. Ты же прекрасно понимаешь, что это могло случиться в любой момент и в любом месте.

– Нет, не в любом. Это тенденция. Это теперь будет происходить всё чаще и чаще. И начнётся с мегаполиса.

– Не говори ерунды! Да и какая разница? Мегаполис? А Питер не мегаполис?

– С матерью тебе будет спокойнее, уедите под Питер.

– Ты неужели не понимаешь, что отправив меня из Москвы, ты не решишь вопрос с моей безопасностью. И мне уже не десять лет! Я сама могу за себя постоять!

– Ты уедешь. Всё. Слушать тебя больше не желаю. Поняла? Рассказать тебе сценарий? Рассказать, как всё будет происходить? Сначала вырастет безработица. Когда достигнет пика, начнутся беспорядки, их станут гасить, подавлять, но в масштабах Москвы это бесполезно. Беспорядки будут массовые. Власти не смогут с ними справляться. Как только власть забьёт на правопорядок, на усмирение отчаявшихся людей, так сразу начнётся вакханалия. Массовые грабежи и убийства. Начнут организовываться банды, которые будут помимо войн между собой, грабить и убивать всех, кто попадётся им под руку. Дальше уже прогнозировать невозможно, дальше я могу сказать только то, что в один прекрасный день нам придётся выйти из дома, чтобы добыть еды. И если это буду я, то меня убьют, а если это будешь ты, то тебя сначала изнасилуют, а потом убьют.

Я внимательно посмотрел в её глаза.

- Ты поедешь в Питер, пока всё это не началось. Если всё будет хорошо - вернёшься. Если начнётся плохо, я приеду к тебе. Ты поняла?

- Да.

Она отвернулась и больше со мной не разговаривала.

Удивительно, но, не смотря на все мои опасения, всё работало нормально. В этом парадокс восприятия действительности - тебе кажется, что мир рушится и уже никто не сможет спастись, более того, все они глупцы и не понимают, что одной ногой находятся в могиле, но на самом деле этот мир никуда не девается. Он как был, так и есть. Да, в нём происходят какие-то изменения, какие-то катаклизмы и на каждого конкретного человека он, этот мир проецируется по-разному. На меня вот, например, таким образом - мне страшно и я не знаю, что делать дальше. Даже не так, я смог придумать лишь первый шаг - остаться одному, отправив от себя любимого человека, тем самым сняв с себя ответственность за его жизнь.

Пусть так. Пусть этот идиотский мир именно так спроецировался на меня. Но он уже так мной представляется. И уже так я его воспринимаю. Так и будет. Хорошо, что я ещё не утратил возможности функционировать и воспринимать объективно действительность. Хотя в этом я и сам себе противоречу. Или же попросту нагнетаю обстановку. Главное в другом, несмотря на то, что происходит вокруг, а следовательно у меня в голове, я всё ещё могу купить её билет.

Что я и сделал. Причём билет не на поезд через несколько дней, а на ближайший. Тот, который идёт в ближайшее время. Она со мной не разговаривает. Она, как я понял, перестала меня понимать и просто послушно делает то что я скажу. Наверное, ей передалось моё внутреннее беспокойство. Она собирает вещи, а я сижу и жду. Далее всё будет очень просто. Даже банально.

Будет некрасивая улица, по которой мы пойдём к метро. Некрасивая, потому что на душе мерзко. Несмотря на весну, солнце, капель. От этого я буду торопиться и укорять её в том, что она медленно идёт. В метро я не буду на неё смотреть.

Тупо буду стоять и ждать пока мы доедем. Ни на эскалаторе не обниму, опустившись на одну ступеньку, ни в вагоне не возьму её руку в свою. Да и на вокзале буду по-детски глупо обижаться.

Как всё это тупо. Но это так и будет, потому что это будет автоматически, потому что так легче пережить расставание. Мы тупо встанем посредине зала Ленинградского вокзала и будем смотреть на табло в ожидании нужного поезда. Это единственный экран, на который люди смотрят внимательнее всего на свете.

А потом будет поезд, я посажу её в вагон, поцелую и пожелаю счастливого пути. А она даже не заплачет. А я себе буду надумывать, что ей всё равно и она меня разлюбила. Да, я всегда так думаю, когда она уезжает. Это глупо, но я так делаю.

Она уедет, а я останусь.

Она уже уехала. И произошло это так быстро. Только сейчас я ей сказал, что всё плохо. И вот уже её рядом нет. Что ж, самое время начать задавать себе вопросы из разряда «Зачем я это сделал?», «Почему?» и «Как же так?»

Глупец.

Самоистязаться можно сколь угодно долго, но только лишь до того времени, пока не поймёшь, что нужно на что-то есть. Нужно зарабатывать деньги. Искать работу. Можно сколь угодно долго ругать себя, обвинять во всех грехах, но рано или поздно придётся делать то, что нравится меньше всего – искать работу. Никому не нравится это занятие. Никому не хочется слышать многократные отказы, прежде чем придётся услышать «да, вы нам подходите». Ещё более сложно справляться с поиском работы людям, которые достаточно долго и успешно работали на каком-то хорошем месте с высоким уровнем оплаты труда. Так трудно понимать, что придётся себя во многом ограничивать. Что уважения меньше, денег меньше, работы больше. Это так сильно бьёт по самолюбию.

Но мне несколько не жаль этих людей, так же, как мне несколько не жаль и себя. Жалость вообще очень плохое чувство. Жалость унижает того, кого жалеют. Более того, я даже рад, что всё так произошло в мире, в нашей

стране. Наконец-то, в противостоянии работодатель – работник назрел какой-то прогресс, который довёл ситуацию до открытой конфронтации. Кризис дал возможность руководителю, начальнику, работодателю хоть как-то воздействовать на персонал.

Воздействия эти очень просты и представляют собой дополнительные возможности для мотивации. Если раньше можно было мотивировать сотрудника лишь премиями-штрафами, а в основном, конечно премиями, потому что на рынке труда наблюдалась постоянная нехватка кадров, то сейчас появилась настоящая возможность напугать работника. Банальное ранее увольнение, которого никто никогда не боялся, сейчас превращалось в реальную угрозу остаться без работы.

А остаться без работы во время кризиса практически означает оказаться на улице. Это вселяет страх. Почувствовав эту слабость, работодатель начинает отрываться на своих работниках по полной. Можно же делать всё, что угодно. И, насколько у кого хватает наглости, начинается глумлёж. Сначала режутся заработные платы. Естественно, после показательного увольнения самых слабых и убогих. Раньше их уволить было проблематично, потому что никто не стал бы делать их работу, прикрываясь слишком большой занятостью. Теперь запросто. Потому что за работой, даже самой незадачливой, стоят очереди. Работы становится больше, зарплата меньше, времени для выполнения работы не хватает, работники перестают заниматься ерундой на рабочем месте и начинают действительно работать. Они начинают вспоминать давно забытые навыки, перестают играть, торчать в интернете, бездельничать. Это всё сказывается на производительности. Она начинает расти.

Вдохновленный успехами работодатель не верит своим глазам – можно платить меньше, а получать больше. Естественно, потому что у страха огромные глаза. И люди терпят. Страх способен загнать их в невыносимые рамки и они всё равно будут работать. Практически за бесплатно и круглосуточно. Ничего хорошего в этом нет, конечно. Мне, например, сейчас практически невозможно найти работу по специальности.

Нет, найти-то, конечно, можно, но список служебных обязанностей будет раза в три больше, чем в обычное время, а заработная плата будет, наоборот, раза в три меньше, чем обычно. Как раз, можно не снимать квартиру, жить на работе и будет оставаться ещё и на еду.

Я выбрал несколько вариантов, которые предлагал один из многочисленных хедхантерских сайтов, и решил пройтись по собеседованиям, чтобы понять обстановку. Чем вообще люди сейчас живут в других фирмах, какие настроения у них там царят? Да и просто надо было развеяться. Устраиваться на работу ни в одном варианте я не желал, хотя бы потому, что зарплаты не хватило бы банально оплатить квартиру.

Вообще, правильно говорят, что человек видит то, что хочет видеть. Я был накручен этим грёбаным кризисом. Я думал о нём постоянно, утром, когда просыпался, вечером, когда засыпал. Ночью он мне снился, приходя олицетворённым в самых ужасных кошмарах и забирая у меня самое дорогое. Днём он меня преследовал с моих страхов. Я чувствовал его в своей тени, в воздухе мной выдыхаемом и даже в моём поту. Это сказывалось на том, что я не замечал ничего позитивного, ничего светлого. Лишь что-то тёмное вокруг, мрачное, серое. С таким настроением смотришь под ноги и видишь только слякоть, грязные ботинки и бег. Все пытаются куда-то убежать. От чего?

Куда?

Я вот бегу на собеседование. Нет. Плетусь. У меня плечи опущены так, что создаётся ощущение тяжести. И я её даже чувствую, эту тяжесть. Она меня плашмя, практически навзничь на асфальт кладёт. Я на это собеседование почти ползу. И вижу перед собой дорогу не в светлое будущее, а камни и песок с грязью. В коридоре перед кабинетом, где собеседуют сидит таких же как я ещё человек тридцать. И все они угрюмые, раскисшие. Мне напоминает это очередь в поликлинике к онкологу. Как смерти все ждут, а не на работу устраиваются.

И все друг друга ненавидят, потому что все хотят эту очень плохую работу за гроши получить. А иначе можно оказаться на улице. Хотя мне непонятно, какая разница, как быть на улице, с такой убогой работой или вообще, без неё.

И эти очереди у меня сливались в одну огромную очередь за призрачным счастьем, которое витает где-то там, за кризисом. Очередь очередей. Я стоял сейчас в самой маленькой, из тридцати человек. А надо отстоять эту, чтобы попасть в следующую. И отстояв все следующие, попасть в очередь покрупнее. Чтобы на чуть-чуть приблизиться к счастью. А пока я тут в очередях гнию, кто-то играет с моим счастьем. Оно там далеко-далеко. Его так хочется, а без очереди нельзя.

Отстоял. Пособеседовался. Конвейерным методом – парень, проводивший собеседование, быстро глянув в резюме, обрадовал: «Указанная заработная плата делится на две части – основная и премиальная. Вот список обязанностей и уменьшающих коэффициентов. Посмотрите, всё ли вас устраивает» Как может такое устраивать? Этого не хватит, чтобы платить даже за комнату. Естественно, я отказался.

И отказался, отстояв следующую очередь. И следующую. И ещё много раз подряд я не мог найти ничего. Ползая по городу с собеседования на собеседование, я становился всё грустнее и грустнее. Это было практически отчаяние. С каждой моей неудачей мир вокруг меня становился всё мрачнее и мрачнее.

И чем дальше, тем хуже. Это как раз тот случай, когда время не лечит. Оно тянется и всё ближе тебя пододвигает к концу. К какому? Непонятно, он размыт, но явно ощущается. А между тем с каждым новым собеседованием в очереди людей всё больше и больше и шансов всё меньше и меньше. Да и не было шансов. И я прекрасно понимаю, что это всё самообман, что работу сейчас не найти и что все эти брожения бесполезны.

Из коридора, из очереди всё происходящее смотрится, как из загона для скота. Ждем, сидим, пока выберут самого крупного идиота из нас. Идиот соглашается на жалкие условия. Возможно даже, соглашается много идиотов. Идиоты работают некоторое время, потом не выдерживают и уходят. А их место занимают другие идиоты. И я среди них.

Я не стал дожидаться, пока до меня дойдёт очередь. Глупо ждать, пока до тебя дойдёт очередь, чтобы потом отказаться от того, чего ты ждал. Да глупо вообще всё, что сейчас происходит. Я встал со стула и пошёл, почему-то попрощался со всеми, кто был в коридоре, за руку. Это выглядело несколько трогательно, несколько мудаковато, но меня развеселило, хоть на несколько мгновений подняв мне настроение.

Вышел из здания и засмеялся. Вот именно, что вышел из здания, а не на улицу. Как на мгновение вынырнул откуда-то. И засмеялся, хотя скорее это был истерический смех, нежели от юмора. Смешного было мало. Работу я не нашёл, время уходило всё стремительнее и надвигающаяся жопа становилась всё отчётливее.

Но это же ещё не отчаянье, да? Это ведь не отчаянье? Отчаянье, это когда уже совсем делать нечего, когда безвыходная ситуация. Это когда всё, смерть, неизбежная, твоя или любимого, близкого человека. Вот тогда и отчаянье. А сейчас что? Просто ряд неудач на фоне общей депрессии. Да наплевать на работу, можно пойти мыть посуду, официантом, дворником, грузчиком, кем угодно. Надо только взять и пойти, начать что-то делать, действовать, не сдаваться. Но ведь я и сейчас действовал, не унывал, искал работу, старался, что-то пытался делать. И ничего не получается. Как ни старайся, ничего не двигается с места.

Надо отдохнуть, полежать, выпить, забыть хоть ненадолго про всё то. Хоть чуть-чуть расслабиться. Включить радио, телевизор, интернет, музыку и ещё что-нибудь и не знать ничего. Забыть про всё, что происходит. Голова раскалывается. Ужасно болит голова. Спать домой быстро.

Счастье у человека, если оно есть, если его человек достиг или оно само упало на него с небес, из ниоткуда, может длиться достаточно долго. У умного человека оно будет длиться вечно, у глупого – пройдет скоростижно. Так и говорят про таких людей, которые не смогли удержать своего счастья – скоростижно кончилось счастье. Ушло. Здесь имеет место, как, собственно, и в любви, привычка. Когда постоянно хорошо, то к этому «хорошо» привыкаешь и перестаёшь замечать, каким это «хорошо» было прекрасным некоторое время назад. Обычно говорят в таких случаях: «не ценишь то, что имеешь». Правильно, в принципе, говорят. Но всегда есть оправдание для этого случая. Глупость. Глупость не умеет хранить счастья. Оно, счастье, быстро глупости надоедает. Но это субъективно, конечно: если умный смотрит на глупого, который расстаётся со своим счастьем, то для умного глупый несчастен. Глупый же сам по себе счастлив, потому что он глупый. Он не осознаёт своего счастья. Ему и так хорошо, без счастья, и поэтому он счастлив.

Если же дело касается несчастья, то несчастливы все одинаково. И умный и глупый. Несчастье осознают сразу все, как только оно приходит, и мгновенно начинают чувствовать себя преотвратно. Становится невыносимо. Приходится долго и упорно ждать, пока всё снова станет хорошо. Но еще ладно, если есть возможность ждать в комфортных условиях, так ведь нет – ждать счастья приходится в условиях невыносимых. Именно поэтому несчастье дискретно. Как только становится плохо, сразу становится невыносимо и хочется всё это прекратить.

А оно длится. Огромным серым грузом лежит на твоей спине, тащит вниз. И любой поток информации, новостной ли, развлекательный ли или ещё какой сливается в один, в единый угнетающий поток потрясений. Начинает казаться, что выхода нет. Нет, выход, конечно, есть, но он далеко. И с каждым новым сообщением из телевизора он отодвигается дальше. Потом ещё дальше, потом он вообще перестаёт быть осязаемым и осознаваемым и, в конце концов, в голове он перестаёт существовать.

А информационное угнетение длится, длится, длится... Сплошной информационной лентой. Как некролог счастью. Огромный список того, что было. Реклама ада. Промо боли. Перспектива страданий. На сарказм уже сил нет. Всё это воспринимается нормально. Боль? Давайте. Мне душевной, если можно. Только физическая? А голод или холод? Болевое ассорти? Прекрасно. Привыкайте к несчастью. Оно наступает постепенно, чтобы ваша психика выдержала и раньше времени не перешла на другой уровень.

Несчастье – не какое-то хаотичное событие или банальная трагедия. Несчастье – это хорошо спланированное и совершенное по своей структуре мероприятие. В данном конкретном случае – это мероприятие, проводимое одной группой лиц для другой группы лиц, а, по сути, всеми для всех. В этом несчастье есть свои этапы, свои части, свои подчасти. Если взять вообще всё несчастье в целом и спроецировать на конкретного человека, то получится примерный срез того, что происходит вокруг – глазами одного из участников.

Остаёшься без работы. В зависимости от того, какие у тебя были условия существования, есть варианты развития событий. Более – менее безболезненно всё пройдёт, если были накопления или люди, которые могут помочь, прокормить. Но это тоже всего лишь отсрочка. Если таких людей нет и сбережений нет, а в условиях нашей реальности – это обычное дело, то вариант один – кончаются деньги. Кончаются эти самые штуки, которые очень нужны для того, чтобы жить. Если квартира своя, то можно жить, кое-как добывая еду; если нет, то вообще всё плохо. Но, в любом случае, пропадают вода, электричество и газ. И не важно, что ты заплатил. Важно, что у структур, которые тебе эти блага обеспечивали, сейчас тоже несчастье. А если этих благ нет, то квартира превращается просто в берлогу. С таким же успехом можно жить под мостом.

В квартире без воды, электричества и газа просто нечего делать. В таком месте через пару дней уже образуются грязь, холод и разруха. В таком месте можно

только лечь умирать.

А деньги постепенно тают в двух направлениях – они кончаются и обесцениваются. Постепенно закрываются магазины, и тают запасы. Начавшая было поступать хоть какая-то гуманитарная помощь тоже закончилась. И как-то незаметно стало совершенно нечего кушать. Нет, действительно незаметно. Кончаются продукты, которые запасал. Соседи перестают одалживать. Кончаются места, где можно украсть. Закрываются места, где раздают. И наступает голод.

Но это – очень длительный процесс, это то, к чему придёт всё в конце концов, если ты живёшь в городе, в обществе потребления. Всем телом, всем своим сознанием предчувствуя перспективу голодной смерти, ищешь новую работу, любую. Но мне сейчас интересна та, где кормят. Кормят сейчас на всех работах, которые даёт государство, останавливая весь этот бардак, как только можно. Можно работать на временных должностях, которые организовались в последнее время. Это называется подсобный рабочий. Или разнорабочий. Приходишь в загон, там уже сотни таких, как ты. Деньги не платят. Только кормят. Завтракаешь, приезжает машина или приходит бригадир – и едешь или идёшь на работы.

Либо разбирать завал, либо убирать мусор, либо грузить что-то, либо разгружать. Мало ли чего делать. Главное, что вечером можно поужинать.

Время льётся медленно. Дни проходят. Город пустеет. Дома забрасывают. Съёмная квартира перестаёт быть нужна, потому что можно жить в любой другой, даже элитной. Но разницы особой нет. Потому что всё равно, в какой коробке жить. Но это всё – в перспективе.

А пока... люди покидают город. Хозяйка квартиры выпроваживает тебя за неуплату. Живёшь у друга, пока с ним не происходит тоже самое. Потом живёшь уже с толпой таких же, как ты, в более менее теплой квартире. Потом живёшь в подвале, обороняясь от мародёров. Но это всё – в перспективе. Пока же единственное, что ты можешь сделать, это сказать хозяйке квартиры, что тебе нечем платить.

Тебе дают очень маленький срок, чтобы съехать. Пока ещё есть хоть какие-то деньги, пока ещё есть магазины, пока ещё можно ездить на метро,

на транспорте, на поездах. Пока ещё всё нормально в глобальном смысле этого слова. Просто для меня всё сложилось неудачно.

Всё сложилось так, что на момент катастрофы я оказался на улице. У меня было немного денег, была весна. Это всё, что было. Не было – намного больше. Не было уверенности ни в чём. Я не знал, что будет, что делать, как жить, как выбираться из этого. Я сидел на смотровой площадке у МГУ и смотрел на Москву.

Мне этот момент было интересно: как будет умирать этот город? Я ненавидел его. За всё то, что он со мной сделал, за то, что я сюда приехал, за то, что он превратил меня в испуганное подобие человека. Я ненавидел этот город и желал ему смерти. Если бы я знал, что произойдёт и во что превратится этот город, то я бы, конечно, думал по-другому.

Но сейчас я хочу, чтобы Москва умерла.

Бывает, что жизнь, судьба, рок или как там ещё называют люди то, что происходит с тобой по жизни, к тебе неблагоприятна. Именно по этому людям свойственно одушевлять то, что с ними происходит. Иначе не было бы религий и мизантропии. Я Судьбу свою люблю, вернее, люблю то, что я собой олицетворяю как часть Вечности и то, что управляет моей Судьбой. Довольно сложно понять, но, на самом деле, всё просто. Я действительно верю в высшие силы и боюсь их расстроить. Но высшие силы – в моём случае – довольно сильно рационализированы. Это и совесть, и любовь, и выгода, и страх, и инстинкты, и разум, и ещё много разных человеческих ипостасей, так называемых «показателей человечности».

Именно эти высшие силы ко мне не благосклонны. Судьба – шутница поставила меня в определённое положение и смотрит, что я буду делать. Ситуация складывается внештатная. Ситуация из разряда тех, когда жизненный опыт ничего не может дать тебе из своего багажа знаний. Приходится думать. А это означает, что нужно действовать разумно. А это, в свою очередь, подразумевает, что нужно успокоиться, проанализировать ситуацию, все взвесить, понять, что нужно делать, какие есть ресурсы и риски для решения текущих задач и начать действовать в направлении конечной цели.

Цель конечная одна – счастье с любимым человеком. Чтобы достичь этой цели, нужно решить много-много задач. Но для начала нужно элементарно понять, что

происходит, осмотреться.

Мне нравится, когда я начинаю думать подобным образом. Такая схема мышления исключает эмоциональный фактор, выстраивает весь ход мыслей в четкую структуру. Сразу спокойнее становится, потому что начинаешь думать, как машина, а машина, как известно, не ошибается. Если я человек, то я могу ошибаться .

Человек – стадное существо и для того, чтобы мозг не коллапсировал от таких мыслей – придумал общение, с помощью которого можно делиться впечатлением и сравнивать накопленный опыт и выводы с результатами деятельности других людей.

Человек подглядывает за другими людьми или, как принято говорить в обществе, наблюдает, затем он делится накопленными знаниями с другими людьми и получает определённую долю информации в ответ. Происходит обмен накопленным опытом, а если повезёт, то и определённой аналитикой. Что я могу понять о происходящем, если у меня нет достаточно информации? Да абсолютно ничего? А что если я ошибаюсь? А что если всё на самом деле не так, как представляется моему угнетённому мозгу?

Если уж действовать и воспринимать всё буквально, то не нужно сидеть и ждать, пока всё появится само. Нужно идти, смотреть, делать выводы. Небо серое, давящее. Это говорит о том, что произошла катастрофа? Нет, конечно, это говорит о том, что погода сейчас неважная, солнышка нет. Очень мало людей в городе. А это о чём говорит? Может просто выходной? А какой вообще сегодня день недели? И сколько вообще время? Серое небо и пустота на улицах. Что ещё? Тревожно проехала где-то за домами сирена и затихла. К сиренам так привыкаешь, когда сидишь в офисе и наблюдаешь за пробками. А когда сирен не слышишь, то уже становится тревожно.

Всё-таки, почему так мало людей? За полтора часа хождения увидел лишь несколько человек. Поведение этих людей настораживает. Они все находятся в недосягаемости для общения, как будто чего-то сторонятся. Может они меня опасаются? А из-за чего? Возможно, в мире происходит какая-то трагедия? Или уже произошла? Можно ли, основываясь на том, что несколько человек не пожелали со мной общаться, сделать вывод, что мировой кризис уничтожил человечество?

Да и кто сказал, что они не пожелали со мной общаться? Они просто были далеко, а я даже не пытался приблизиться. Нет, надо найти кого-то для общения. Нужно обязательно с кем-то поговорить. А о чём я буду говорить с человеком, которого не знаю? Да, мне наверняка удастся заговорить с незнакомцем и, я более чем уверен, вызвать его расположение ко мне, но что я ему скажу? Мне нужно хоть что-то ему предложить в обмен на ту информацию, которую даст мне он. Мне нужно проанализировать всё, что я увидел, всё, что со мной произошло за последнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/paushu_ruslan/krizis

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)